

ВАСИЛИЙ БАЛУШОК,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Украинского фольклорно-этнографического центра при Институте искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М.Рыльского НАН Украины

Этническое и национальное: динамика взаимодействия

С провозглашением независимости в Украине усилился интерес ученых к изучению национальных проблем и, в частности, к такому феномену, как нация. Однако многим ученым, по своей узкой специализации являющихся социологами, политологами и т.п., но не этнографами¹, присуща недооценка роли этнического в национальном, не вполне четкое понимание сущности этнического, его взаимодействия с национальным, смешивание национального и этнического. В то же время, по нашему мнению, национальное и этническое относятся к разным, хотя и взаимосвязанным понятиям, отражающим разные явления реальной жизни [1]. Поэтому недостаточное понимание сущности собственно этнического и его взаимодействия с национальным негативно сказывается на теоретических разработках и на разрешении практических задач национального развития и государственного строительства в Украине. Очерченной проблеме мы и хотим посвятить данную статью, не претендуя при этом, учитывая всю ее сложность, на абсолютную полноту рассмотрения.

Наверное, не будет ошибочным мнение, что наибольших успехов в изучении наций и национального достигла западная наука. Одним из классических определений нации считается приведенное в недавно изданной в Украине книге “Национальная идентичность” Е.Д.Смита, являю-

¹ Напомню, что под этнографией, в частности в советские времена, понимали не глубоко эмпирическую, описательную науку, противопоставляемую теоретической этнологии, а научную дисциплину, объект исследования которой составляли народы-этносы; при этом она включала как описательный, так и теоретический уровень изучения. Вместе с тем не следует забывать, что теория без эмпирики, в том числе и в этнологии, просто невозможна.

щегося одним из ведущих западных националогов. Под нацией тут имеется в виду человеческая общность, наделенная собственным национальным самосознанием, объединенная одной территорией, целостность которой обеспечивает государство, общая экономика, массовая или гражданская культура, историческая память (национальный миф), равные для всех юридические права и обязанности [2]. Но если в указанной книге проблемы национального рассматриваются детально и ее следует признать одним из последних достижений западной науки в данной сфере, то этническому в ней, на наш взгляд, уделено недостаточно внимания. К тому же путаница с этническим и национальным у автора зачастую не меньше, чем у его украинских коллег. В частности, в одних случаях (причем иногда относительно одних и тех же общностей, например французской) автор признает важность этнического фактора при возникновении наций, а в других — не признает. И это, вероятно, закономерно. Ведь в странах Западной Европы этнический вопрос как таковой никогда не стоял особенно остро — его зачастую перекрывали аспекты политические. А государства Северной Америки вообще относятся к странам преимущественно недавних иммигрантов, у которых отсутствуют глубокие местные этнокультурные корни, и этническая ситуация там, во всяком случае до последнего времени, вообще существенно отличалась от господствующей в Старом Свете. Очевидно, это сыграло не последнюю роль в том, что на Западе даже наука, которую некогда в России и СССР, а затем и в независимых государствах бывшего Союза всегда называли этнографией или этнологией, носит название культурной или социальной антропологии [3]. Западная наука, несмотря на достаточно большое число исследований, в которых так или иначе затрагиваются проблемы этнического, при всем разнообразии течений в его трактовке (примордиализм, конструктивизм, инструментализм и т.д.), в целом не смогла достичь достаточно глубокого понимания природы этого феномена.

В отличие от западных ученых, советские, и прежде всего российские (вследствие сосредоточения основных научных центров в Москве и Ленинграде) этнологи уделяли разработке теории этноса намного больше внимания. Вызвано это было в первую очередь самой многоэтничной природой общества, объединенного в границах Российской империи, а затем СССР. И если отбросить минусы формационной теории и определенную тенденциозность официальной советской науки, останется здоровое ядро, содержащее большие научные достижения. Среди исследователей теории этноса следует назвать П.И.Кушнера, Н.Н.Чебоксарова, С.А.Арутюнова, Н.В.Крюкова, Ю.В.Бромлея, Ю.И.Семенова и др. Именно они и занимались изучением проблем национального, но при этом обязательно учитывали действие этнического фактора. К классическим определениям нации принадлежало приведенное, например, Ю.В.Бромлеем. Согласно этому определению, нация — это высшая в цепи развития подобных образований этносоциальная общность, то есть общность, не только имеющая собственное национальное самосознание и объединенная общей территорией, экономикой, культурой и особенностями социально-политической жизни, но обязательно включающая этнический компонент. Нации присущи, как считалось, лишь капиталистической и социалистической формациям. Соответственно нации делились на буржуазные (менее

развитые) и социалистические (более развитые и прогрессивные) [4]. Кстати, советским философам тех времен были свойственны некоторое преуменьшение и недооценка роли этнического в составе нации, что, собственно, нередко обуславливалось политическими установками “сверху” [5].

Если отказаться от формационной привязки в приведенном определении, можно заметить довольно значительное сходство его с определением Е.Д.Смита. В частности, это наличие у данной общности, помимо самосознания и культурного единства, еще и территориального, экономического, социального и политического единства. То есть работы советских этнологов не были таким уж абсолютно схоластическим мудрствованием, оторванным от реальности, что сегодня нередко ставят им в вину. Вместе с тем, читая исследования советских и западных ученых, мы видим, что авторы вкладывают в указанные параметры нации несколько иное содержание. Так, согласно определениям советских исследователей, для нации наличие собственного государства не является обязательным, в одном государственном организме могут быть объединены несколько наций. Западным исследователям присуща тенденция так называемого этатического (от фр. *etat* — государство) определения нации. Во всяком случае, что касается западного мира, нации должны иметь собственные государства. Глубина разработки целого ряда проблем теории нации западными учеными также более основательна. Это объясняется ориентацией советских ученых на классово-формационный принцип. Тем не менее советские этнологи немало сделали для определения роли этнического в национальном. В частности, характеризуя нацию как этносоциальную общность, они выделили в ее составе собственно социальную и собственно этническую составляющие. Первую Ю.И.Семенов предложил называть социально-историческим организмом (сокращенно — социор). Разработке проблемы социального организма он посвятил несколько работ, и результаты его разработок, если абстрагироваться от некоторых схоластических теоретизирований в русле формационной теории, представляются весьма плодотворными. Так, важным является положение о том, что каждый социально-исторический организм составляют люди, подчиненные одной власти. Вместе с тем, особенно в последнее время, он склоняется к мысли, что нация должна иметь собственное государство: “Применительно к классовому обществу социорные границы, как правило, совпадают с государственными” [6]. Для обозначения этнической составляющей нации как этносоциальной общности советские этнологи ввели понятие этникос — этнос в чистом, так сказать, виде [7].

Модель нации, аналогичную разработанной советской наукой, Е.Д.Смит характеризует как “восточную”, “этнически-генеалогическую”. Он противопоставляет ее “западной”, “гражданско-территориальной”, делая ударение на том обстоятельстве, что в составе последней этнический компонент якобы не играет роли, во всяком случае существенной [2, с. 89 и след.]. Но все дело в том, что подобное противопоставление “западной” и “восточной” моделей нации является ошибочным, поскольку этнический фактор играет свою роль, причем немаловажную, во всех нациях, в том числе и западных. Просто они возникали в условиях абсолютного преобладания одного этноса, а то и вообще на моноэтнической основе или же в специфической этнической среде Северной Америки, причем в условиях

становления и развития демократических общественных институтов. А это в определенной степени затушевывало этнический вопрос, скрывая действие этнического фактора. Однако реалии современного мира свидетельствуют, что игнорирование действия этнического фактора является большой ошибкой, в том числе и для Западной Европы и Северной Америки. Вспомним Канаду, которая в результате недавнего референдума среди франкоканадцев едва не раскололась на два государства, а следовательно — и две нации. Примером может послужить и Великобритания, где на наших глазах происходит процесс институционализации шотландской, уэльской и ольстерской автономий и превращение их в субнации, а впоследствии — и настоящие нации. В Бельгии также наблюдается фактическое возникновение двух субнаций на основе фламандского и валлонского этносов. Даже в благополучной Франции не все так спокойно в этнонациональном плане, как может показаться на первый взгляд. Речь идет не только о взаимоотношениях между французами, с одной стороны, и корсиканцами, бретонцами, эльзасцами и басками, — с другой, но и о не столь уж неудачных попытках возрождения провансальского языка и самосознания, несмотря на многовековую традицию ассимиляции последних. Каким окажется результат этих попыток, особенно учитывая различия между северофранцузской и южнофранцузской этническими нишами (о них мы поговорим позднее), а также вероятные непредсказуемые изменения политической обстановки, покажет будущее. А в США культурантропологи фиксируют, как буквально на глазах некогда единая американская нация начинает делиться на целый ряд региональных этнокультурных блоков — зародышевых этносов. Это проявляется и в культуре (в том числе и в английском языке, уже демонстрирующем разделение на несколько диалектов) и в самосознании, приобретающем отличительные черты у разных групп американцев. Фиксируется даже переписывание истории — по-разному в различных регионах США, что является показателем процесса создания региональных национальных мифов. Ученые прогнозируют, что США со временем окажутся перед проблемой разрешения этнонационального разделения, как это произошло в России в XX веке [8]. Одним словом, этнический фактор подрывает американскую нацию изнутри. Примеры такого рода относительно западного мира можно было бы продолжить. Об афроазиатских реалиях и особенно о событиях на постсоветском пространстве и в Югославии не стоит и упоминать, так выразительно они говорят сами за себя.

Итак, этнический момент существенно влияет на национальный, и в составе наций действительно объединяются социальный организм и этнос. Ведь и классические “гражданско-территориальные” нации Западной Европы возникали, как правило, на почве самого многочисленного этноса. Во Франции это французы, в Италии — итальянцы, в Великобритании — англичане, в Голландии — голландцы. Эти этносы доминируют в национальной жизни, придавая нации своеобразную этническую окраску и специфический способ проявления. Существуют и нации, практически совпадающие с этносами — исландская, ирландская, португальская.

Своеобразным исключением является Швейцария, где на паритетных началах сосуществуют четыре этноса: герmanoшвейцарцы, франкошвейцарцы, италошвейцарцы и ретороманцы. Однако и тут этнический фактор,

как оказалось, дает о себе знать. Дело в том, что наименьший из четырех этносов, составляющих швейцарскую нацию, — ретороманский, будучи наиболее слабым, в современных условиях поддается ассимиляции со стороны других швейцарских этносов, и трудно предугадать, какой окажется реакция на это этнически сознательной его части, прежде всего интеллигенции [9]. Как видим, этнос — это очень мощная сила в процессах образования наций. Он способен создать нацию и может разрушить ее. Так что же такое этнос и в чем его сила?

Существует множество определений этноса, однако большинство из них сводится к тому, что это совокупность людей, имеющих общую культуру (зачастую добавляют еще и общность психики), обычно говорящих на одном языке и осознающих как свою общность, так и отличие от членов других подобных общностей. Такое самосознание, являясь вторичным этническим признаком, то есть возникающим уже после формирования культурной общности, считается важнейшей чертой этноса (без самосознания не существует этноса) и фиксируется в особом самоназвании (этнониме) [10]. Таким образом, определение этноса практически не дает ответа на вопрос о причинах его появления, а также относительно его роли в национальных процессах. Раньше советские этнографы к перечисленным выше признакам добавляли еще и единство социально-экономической структуры и общность территории. Однако со временем определили, что это не собственно этнические признаки (этнос, раз уж он сложился, может существовать и без их наличия), а этноформирующие факторы [10, с. 56]. Вот почему рассмотрение этих и других факторов, обуславливающих создание этноса, приближает нас к ответу на поставленные вопросы.

Исследования этнологов свидетельствуют, что этносы — это объективные, не зависящие от воли самих людей образования. (Люди обычно осознают свою этническую принадлежность тогда, когда этнос уже существует. Но сам процесс рождения нового этноса ими, как правило, не осознается. Этническое самосознание, как уже говорилось, появляется только на завершающем этапе этногенеза.) Каждый этнос выступает социокультурным механизмом адаптации данного локального варианта человечества к определенным, поначалу лишь природно-географическим, а со временем и социальным условиям. Поскольку люди, в отличие от животных, утратили возможность биологической адаптации к природно-географическим нишам, которые крайне разнообразны в различных регионах земного шара, они вынуждены приспосабливаться к условиям этих ниш, но уже с помощью сугубо человеческого механизма приспособления. Таким средством приспособления и выступает этническая культура. Кроме того, обживая ту или иную природную нишу, люди воздействуют на нее, изменяют условия существования в ней, вырабатывают традиции взаимодействия с природной средой, которые постепенно приобретают в определенной мере самостоятельный характер. Так ниша превращается из только природной в природно-социальную. Кроме того, чем дольше люди живут в данной местности, тем более весомым становится социальный аспект такой ниши [11].

В связи с изложенным выше следует говорить об этногенетических нишах, без наличия которых не может образоваться ни один этнос, и

наоборот, существование таких ниш детерминирует, хотим мы того или нет, образование этносов. То есть нужно говорить о конкретной английской, шотландской, немецкой, эстонской, украинской и других этногенетических и, соответственно, этнических нишах. Конфигурация и границы их в каждом конкретном случае определяются конкретными природно-географическими и социальными условиями. Для примера возьмем украинскую этногенетическую нишу, природный фундамент которой сформировался 8–10 тыс. лет назад, после отступления последнего ледника. Северной ее границей являются леса и болота Полесья, западной — Карпаты, восточной — линия распространения черноземов, южной — Черное и Азовское моря. Вся эту территорию, основной ландшафтной зоной которой является лесостепь, объединяет единая водная система — бассейн Днестра и других рек, впадающих в названные моря. К этому стоит добавить свойственные только данному региону почвы, флору и фауну, климат, которые тоже выделяют территорию Украины в самостоятельное целое [12].

Эта природно-географическая ниша и послужила первоосновой при возникновении отдельного, присущего только населению данного региона, типа этничности. Социальный компонент украинской этногенетической (и этнической) ниши создавался целым рядом этнических общностей, каждая из которых хоть и не занимала полностью данную территорию (такое вообще случается крайне редко), однако способствовала формированию населения, этнически отличного от соседних регионов Европы. Тут уместно назвать и создателей трипольской археологической культуры, и группы древних индоевропейцев, и древние индо-иранские, а затем и киммерийские, скифские, сарматские, фракийские, тюркские и другие этнические группы. Сменяя друг друга, эти народы не исчезали бесследно. Каждый предшествующий народ служил этнической основой последующему, который, как правило, усваивал культурные достижения своих предшественников, внося одновременно свои дополнения и коррективы в местную этнокультурную традицию, и так продолжалось вплоть до славян включительно. Непосредственным этническим субстратом для украинцев стали иранцы и в меньшей степени фракийцы. Влияние германских, кельтских, тюркских и балтских групп следует, очевидно, определить как адстратное. Стоит также учитывать мощные влияния Ближневосточно-Средиземноморской цивилизации, распространявшиеся в основном через Балканы и несколько слабее — через Кавказ. Упомянутые этносы и этнические группы, находясь на территории Украины до заселения ее славянами, а частично и позже, во второй половине — концу I тыс. н. э. создали ту специфическую этнокультурную традицию, которая, в соединении со славянскими традициями и непосредственным влиянием природной среды, сформировала украинскую этногенетическую нишу. Нишу, лишь с появлением которой и стало возможным (да и необходимым) формирование собственно украинского этноса [13].

Совсем другие этногенетические (и этнические) ниши у соседних с украинцами этносов. Возьмем, к примеру, румын и поляков. Природный элемент румынской этногенетической ниши составляет дуга Карпат с прилежащими горными областями. На западе и юге она ограничена Среднедунайской и Нижнедунайской низменностями и бассейном Дуная.

Этот регион имеет соответственный, свойственный лишь ему, состав почв, флору, фауну и климат. Начиная с неолита, через Малую Азию на территорию Румынии устремляются мощные миграционные потоки из ближневосточного цивилизационного центра. В I тыс. до н. э. в большинстве районов Румынии распространяется археологическая культура Басараби, с ее местными разновидностями, выступившая преемницей высоких культур бронзовой эпохи, развивавшихся под сильным ближневосточным влиянием. На этой этнокультурной основе расцветает гето-дакийская цивилизация конца I тыс. до н. э. — начала I тыс. н. э. Следует учитывать и влияние скифов (VI—V в. до н. э.) и кельтов (III—II в. до н. э.), а также греческой цивилизации, последующую романизацию после завоевания Дакии римлянами и славянское и германское влияние эпохи Великого переселения народов [14]. Польская этногенетическая (и этническая) ниша образована равниной (с целым рядом низменностей — Великопольской, Мазовецкой, Подляшской), расположенной между Балтийским морем на севере и горными массивами Судет и Карпат на юге, что обуславливает соответственный климат, водный режим, флору и фауну. Непосредственным этническим субстратом, вобравшим в себя предшествующую этнокультурную традицию, для поляков были в основном германцы и балты. Влияния Ближневосточно-Средиземноморской цивилизации на территорию Польши осуществлялись преимущественно с запада — в обход горных массивов [15].

Итак, мы видим, что этническое отнюдь не тождественно национальному и наоборот. Другое дело, что на практике они постоянно взаимодействуют, да и вообще этническое как таковое в реальной жизни не существует вне социальных институтов. В частности, наиболее благоприятные условия для существования и развития этноса создает наличие собственного социально-исторического организма, государственности. Поэтому мы наблюдаем непрерывное стремление этносов укрепить свою политическую независимость или, по меньшей мере, добиться территориальной, культурной и политической автономии, то есть создать собственный социор, а значит, и отдельную нацию. Исходя из этого, мы считаем, что выведенное советскими этнологами определение нации именно как социальной общности не стоит отбрасывать как несостоятельное. Вместе с тем отметим, что советская этнология выделила и другие типы этносоциальных общностей, в частности в стадиальном плане. Так, считалось, что первобытной эпохе соответствует племя или союз племен, следующему историческому периоду цивилизации и государственности, но только до времени наступления индустриальной эпохи — народность. Советские этнологи не жалели сил, стремясь (далеко не всегда по собственному желанию) втиснуть эти понятия в формационную “пятичленку”, определяя народности как “рабовладельческие”, “античные”, “феодалные”, “раннеклассовые”, правда, довольно безуспешно. Однако, если абстрагироваться от формационной принадлежности и классового подхода, окажется, что названные понятия очень неплохо “работают” при определении этносоциальных общностей в стадиальном плане.

В западной социологии одной из основных считается концепция стадиального членения общества соответственно типам его социальной дифференциации. Так, первобытной эпохе, называемой там доистори-

ческой (термин, по нашему мнению, менее удачный, чем “первобытность”), соответствует сегментарный тип дифференциации, эпохе государственной цивилизации доиндустриального периода — стратификационный тип дифференциации, Новой и Новейшей эпохе — функциональный тип дифференциации общества [16].

Сегментарный тип дифференциации предусматривает деление общества на равноценные и равноправные сегменты — линиджи, кланы, роды, племена, с которыми связана вся жизнедеятельность человека. При стратификационном типе дифференциации общество разделено на расположенные в иерархическом порядке страты (вертикальное деление), принадлежность к одной из которых определяет имущественное положение, занятия, профессиональную специализацию, нормы поведения, престижный статус и вообще положение человека в социуме.

Общество с функциональной дифференциацией предусматривает горизонтальное деление его на группы и отдельных индивидов, различающихся между собой по выполняемым ими функциям. От этого полностью зависит их статус, имущественное положение, образ жизни и положение в социуме. Концепция членения общества по типам социальной дифференциации представляется нам более приемлемой для определения социальных типов общества, а также для стадийного его деления, нежели классово-формационная. Но полностью принять довольно распространенную среди западных ученых концепцию деления человеческих общностей в стадийном плане на племена (доисторическая эпоха) — этносы (эпоха доиндустриальной цивилизации) — нации (современная индустриально-информационная цивилизация), с недавнего времени нашедшую немало сторонников и в Украине [17], мы не можем, поскольку в ней смешиваются два существенно различных явления — этническое и этносоциальное, включая и национальное. В то же время стадийное деление этносоциальных общностей, применявшееся прежней советской наукой, если отбросить формационную привязку, хорошо согласовывается с приведенным выше делением обществ по типам социальной дифференциации. Эпохе с сегментарным делением соответствует племя или союз племен, под которыми в данном случае понимают образования с четко установленными органами власти, а не тип собственно этнической общности, о чем мы скажем ниже. Типом этносоциальной общности, соответствующим обществу со стратификационным типом социальной дифференциации (эпоха доиндустриальной цивилизации) является народность в традиционных терминах отечественной науки. И если не пытаться определять ее как “раннеклассовую”, “рабовладельческую”, “античную” или “феодальную”, то все становится на свои места. Нация же — это тип этносоциальной общности, соответствующий обществу с функциональной дифференциацией.

Итак, перед нами опять та же самая триада: “племя (союз племен) — народность — нация”, широко применявшаяся в советской науке и также широко критикованная в последующий период. И все же, как представляется, если отбросить догматические рамки классово-формационного подхода и несколько изменить содержание, вкладываемое в эти понятия, в частности в предложенном выше направлении, она способна неплохо “работать” и в дальнейшем. Кстати, если критически взглянуть на

наше общество в советские времена, увидим, что оно было типичным обществом со стратификационной дифференциацией [18]. Ныне оно переживает переход к обществу с функциональной дифференциацией. А это является еще одним свидетельством того, что украинская нация, как, между прочим, и российская, молдавская, грузинская и т.д., находится на пути своего становления. Предостерегу и от очередной крайности, а именно от появляющихся в последнее время все чаще и чаще весьма неосторожных и не подкрепленных результатами конкретных исследований утверждений относительно того, что украинская нация сейчас переживает начальный период своего становления.

Наверное, для того, чтобы определить, на каком именно этапе становления нации мы сейчас находимся, нужно провести серьезные исследования, углубившись при этом в исторический материал. По нашему мнению, такие общественные процессы в Украине, как т.н. культурно-национальное возрождение XVI—первой половины XVII века, Хмельниччина, возникновение Гетманщины и некоторые другие, протекали в русле общеевропейских процессов, имевших место на стыке двух эпох — Средневековья и Нового времени — и приведших в итоге к формированию в странах Европы наций. Другое дело, что Украина оказалась на периферии европейской цивилизации и эти процессы у нас не достигли той завершенности, как в ведущих европейских странах.

До сих пор мы рассматривали лишь этносоциальные общности. И племя (союз племен), и народность, и нация — все это стадийные типы именно этносоциальных общностей, а не собственно этнических. В то же время фактический материал доказывает, что и собственно этнические общности в процессе развития человечества тоже развиваются, не оставаясь неизменными. Подробнее рассмотрим эту проблему, являющуюся очень существенной при изучении этносоциальных общностей, в том числе и нации.

Попытку типологизации собственно этнических общностей в свое время предпринял Ю.В.Бромлей [19], но ее нельзя признать вполне состоятельной. В частности, не совсем понятно, в чем заключается различие между “народностями-этниками I и II порядка”, да еще и учитывая их формационную привязку (рабовладельческая, феодальная формации). Не представляется подходящим для обозначения этноса и термин “национальность” применительно опять-таки к капиталистической и социалистической формациям. Западная наука, насколько нам известно, не уделяла данной проблеме достаточного внимания. Поэтому предлагаем читателю некоторые свои суждения, не претендуя на исчерпывающее решение проблемы. Предлагаемые термины для обозначения соответствующих стадийных типов этносов отнюдь не новы, хотя и не закреплены окончательно. Поэтому вместо них могут быть введены другие, более точные.

Для выяснения стадийной типологии этносов, вероятно, следует проанализировать основной этнический признак — самосознание. И это закономерно, ведь именно благодаря осознанию членами этноса своей обособленности, отличия от других подобных общностей он выделяется как таковой. И тут оказывается уместным введенное С.А.Арутюновым и Н.Н.Чебоксаровым понятие информационных коммуникаций, действующее

щих в среде каждого из этносов [20]. (Такие инфокоммуникации действуют и внутри этносоциальных общностей, однако они так же, как и соответствующие этнические и этносоциальные общности, не совпадают с системами инфокоммуникаций собственно этносов, хотя и взаимодействуют с ними.) В формировании этнического самосознания членов этноса и в определении его уровня система коммуникаций, с помощью которых передается необходимая этнокультурная информация от предков к потомкам и в синхронии, играет важнейшую роль. В решающей степени система инфокоммуникаций влияет и на уровень сплоченности этноса, связанный с уровнем этнического самосознания. В первобытном обществе единственным каналом передачи этнокультурной информации была устная традиция. Ее ограниченность устанавливала временной и пространственный предел распространению такой информации как в синхронии (только в пределах личных межчеловеческих контактов, на что негативно влияла невысокая плотность населения и неразвитость транспортных средств), так и в диахронии (лишь между живыми представителями поколений). Это обуславливало незначительные географические границы общности людей, охваченной данной информационной сетью, небольшую глубину исторической памяти и, как следствие, низкий уровень самосознания и сплоченности этноса. Такой стадиальный тип собственно этноса (в отличие от этносоциальной общности), который присущ финальной первобытности и которому, очевидно, предшествует названный протоэтнос классической первобытности, можно назвать соплеменностью. Данный термин, предложенный С.А.Арутюновым и Н.Н.Чебоксаровым, означает группу генетически родственных племен и, в отличие от термина “союз племен”, не содержит в себе потестарно-политического (связанного с властью) аспекта. Как пример такого рода этнических общностей можно назвать летописные восточнославянские “племена”. Летописец сообщает, что одни из них имели собственные княжества, то есть органы племенной и союзной власти, другие не имели, будучи лишь этническими общностями без соответствующих социорных образований.

Следующим стадиальным типом этноса является общность, характерная для эпохи цивилизации доиндустриального периода. Ей присущи более высокий уровень этнического самосознания и сплоченности и, что очень важно, более широкие территориальные границы. Это обусловлено наличием письменности и высшим уровнем плотности населения в те времена. Хотя устная традиция продолжала оставаться основным средством внутриэтнической культурной трансмиссии, возникновение письменности позволило углубить историческую память и объединить единым самосознанием несколько соседних (как правило, родственных) локальных этносов предыдущей эпохи и уплотнить сеть этнокультурных коммуникаций. Данный тип этнической общности можно назвать этнонародностью.

В Новое и Новейшее время распространение грамотности среди широких масс населения, появление литературы для массового читателя, прессы, радио, телевидения, аудио- и видеотехники способствовали созданию внутри этносов прочных и мощных сетей информационного обмена, вследствие чего этносы, в частности, по уровню самосознания и сплоченности, поднялись на качественно новую ступень. Этнические

общности этого порядка, по нашему мнению, следует называть этнонациями, в отличие от наций политических или гражданских, являющихся этносоциальными общностями.

Необходимо отметить, что речь идет лишь об основных типах стадийных этнических общностей и о тенденциях их развития. На практике же картина, как всегда, намного сложнее. Так, известно, что племенные формы этнических общностей долгое время могут сохраняться и в условиях доиндустриальной цивилизации, соответственно изменяясь и адаптируясь к новым обстоятельствам. Этноссы раннего и позднего Средневековья, определяемые нами как этнонародности, тоже не были тождественными; очень много невыясненного связано с раннесредневековыми этносами. Например, до сих пор не понятно, как классифицировать саксов, баваров, алеманнов в составе немецкой этнической общности или бургундцев и норманцев в составе французской — то ли как субэтноты, то ли как самостоятельные этносы. Точно так же и в условиях новейшего индустриально-информационного общества с его функциональной дифференциацией далеко не все этносы, в частности в Европе, являются этнонациями (к примеру, эльзасцы и бретонцы во Франции, фриулы в Италии, фризцы и фламандцы в Нидерландах и пр.). Данные этносы, пользуясь определением С.А.Арутюнова [20], можно считать народностями, ассоциированными с основным этносом-доминатором, на основе которого возникает гражданская нация и который выступает этнонацией.

Самые лучшие условия для формирования названной сети инфосвязей создает собственное государство, то есть социально-исторический организм, при этом процессы образования этнонаций коррелируют с образованием наций политических. Это правило действует и в доиндустриальную, и в первобытную эпоху, хотя и в значительно меньшей степени, особенно во времена первобытности. (В последнем случае, естественно, речь идет не о нации и государстве, а о племенных формах этнических общностей и о соответствующих потестарных образованиях на их основе.) И это не случайно, поскольку от того, доминирует этнос в определенном социально-историческом организме или занимает подчиненное положение, зависит степень использования им возможностей политических, экономических, правовых и прочих структур последнего для создания соответствующей сети коммуникаций с целью передачи своей этнокультурной информации. Обратимся за примером к положению украинской и польской этнонародностей в составе Речи Посполитой или же римлян и этрусков после инкорпорации земель последних в состав Римской республики. Кстати, украинцам, которые не являлись доминирующим этносом Речи Посполитой, все же удалось создать соответствующую сеть информационных коммуникаций (так называемое культурно-национальное движение конца XVI—первой половины XVII ст.). Наконец, более развитые по сравнению с римлянами этруски были ассимилированы римлянами, украинцы же в основном не поддались полонизации. Поэтому заметим, что утверждения некоторых историков о начале украинского национального строительства уже во времена Киевской Руси [17] основаны не на одном только патриотизме, но и на реальном положении сначала протоукраинского, а со временем и украинского этноса в составе соответствующего социального организма — доми-

нирующем (Киевская Русь; государство, созданное Богданом Хмельницким) или подчиненном (Великое княжество Литовское; Речь Посполитая; Российская империя; СССР).

В общем же взаимодействие этнических и социальных организмов и соотношение собственно этнического и этносоциального, в частности в стадийном плане, являются благодатной целиной для исследователей. Это касается и первобытности, поскольку этносоциальные организмы, которыми были союзы племен, на практике очень часто включали и генетически неродственные племена или племенные подразделения, подвергавшиеся ассимиляции со стороны доминирующей в данном социуме соплеменности. Однако наиболее сложной является проблема соотношения этнических и социальных организмов во времена доиндустриальной цивилизации, например в эпоху раннего Средневековья в Европе, когда большинство государств были полиэтническими. Это, вероятно, и явилось важнейшей причиной феодальной раздробленности в этих странах. Не менее сложной эта проблема является и для стран Азии и Африки, которые и сегодня остаются по преимуществу полиэтническими, только начиная продвигаться в своем развитии к национальной стадии.

В этой же плоскости лежит и проблема разрешения этнической ситуации в Киевской Руси и определения истоков украинского, русского и белорусского этносов, усиленно дебатированная ныне в научных и околонаучных кругах и служащая основой для многочисленных политических спекуляций. Собственно, решается она без надлежащей научной проработки, предусматривающей привлечение широчайшего эмпирического материала (археологического, лингвистического, исторического, этнографического) и новейших этнологических методик его обработки как сторонниками существования древнерусской народности, так и теми, кто доказывает, что украинцы как этнос существовали уже в Древней Руси. Не удивительно поэтому, что данная проблема никак не может получить надлежащего решения.

Тем не менее можно уверенно констатировать: векторы развития собственно этнических и этносоциальных (на современном этапе — национальных) процессов должны совпадать. Несовпадение их приводит к пагубным последствиям для соответствующих этнических и этносоциальных общностей. Для первых это чревато их ассимиляцией, разрывом на несколько этносов и образованием совсем новых этносов. Воздействие несовпадения названных векторов развития на этносоциальные общности можно проследить на упомянутых примерах Канады, Великобритании и США. Тут уместно указать на негативное влияние на современные этнонациональные процессы в Украине сосуществования на территории собственно украинского этноса фактически двух систем инфокоммуникации — украиноязычной и русскоязычной, существенно отличающихся по содержанию и имеющих разную территориальную локализацию (запад—восток). Такая ситуация скорее всего сложилась вследствие слабости позиций государственного языка и общенациональной системы коммуникаций, призванных объединить регионы не только украинской этнической территории, но и всего государства. Мы убеждены в ошибочности мнения о том, что для наций, в отличие от этносов, определяющими являются только синхронные связи [1, с.24]. О том, что это не так, сви-

детельствует факт неперемного существования в каждой нации, которая в действительности состоялась как таковая, собственного национального мифа, обязательно включающего генетический аспект, предусматривающий как можно большую хронологическую углубленность [21]. И одной из важнейших причин неудачи эксперимента с построением советской нации в СССР была, очевидно, крайне недостаточная хронологическая глубина созданного официальной идеологией национального мифа.

Очень интересная под углом зрения рассматриваемых вопросов этнонациональная ситуация складывается ныне в России. Показательно в этом плане распространение в последнее время среди российских этнологов идей конструктивизма, которые заимствованы на Западе, в частности в Северной Америке, и, судя по всему, подпитываются правящими кругами официальной Москвы. Почвой для возникновения этого направления в американской социально-культурной антропологии послужила упоминавшаяся выше специфическая этническая среда Северной Америки. В России же почвой для распространения идей конструктивизма, активнейшим выразителем которых является В.А.Тишков, выступает специфическая политическая ситуация распада имперского по сути российского государства, развертывание процессов национального и этнического самоопределения среди входящих в его состав народов, ранее тормозившихся государственным механизмом, и все более заметные проявления процессов этнообразования в среде пока единого русского этноса, который, расселившись, занял несколько абсолютно самостоятельных этногенетических ниш. Причем если действие природно-географического компонента этих ниш можно в какой-то мере нейтрализовать с помощью технологических средств современной цивилизации, то продолжающаяся ассимиляция русскими местных аборигенных этносов чрезвычайно усилила и усиливает дальше действие социального компонента. Российские конструктивисты выступают с заимствованной на Западе концепцией, согласно которой всякий этнос — это всего лишь “идеологический конструкт”, создаваемый этнически сознательной интеллигенцией; только затем, в результате ее целенаправленных действий идея определенного этнического самосознания вносится в широкие народные массы [22]. Несколько ранее В.А.Тишков сформулировал аналогичную концепцию относительно феномена нации, в частности на постсоветском пространстве [23]. Но во-первых, как правильно отмечает Л.Н.Дробужева, нужно различать “идеологический уровень этничности и уровень психологически-индивидуальный”. И если первый действительно может в определенной степени конструироваться, то второй возникает в процессе социализации благодаря воздействию ближайшего окружения, в том числе семьи [24]. А во-вторых, этнически сознательная интеллигенция является обязательным объективно существующим компонентом всякого полноценного этнического и этносоциального организма, в том числе на стадии народности и, особенно, нации. Сформулированные ею идеи этнической и национальной обособленности, то есть конструируемый идеологический уровень самосознания, также вырастают на почве объективно существующего низшего уровня этнического самосознания. Таким образом, и идеологический уровень этнического и национального само-

сознания следует считать явлением объективным, а не субъективно созданным “конструктом”.

Одним словом, все социальные институты и собственно социум как таковой — это “конструкты”, целенаправленно создаваемые самими людьми, особенно в условиях современной индустриально-информационной цивилизации, да и в более ранние эпохи. И без такого “конструкта” все мы оставались бы всего лишь “маугли”, но не в кипплинговском, так сказать мыслящем варианте, а в виде человеческих детей, воспитанных в стае газелей или среди обезьян и не имеющих ничего человеческого, о чем время от времени сообщается в прессе.

Мы хотели показать, что, во-первых, национальное и этническое — понятия не тождественные, как не тождественны явления, стоящие за ними. Во-вторых, этнос — это очень серьезный общественный феномен, оказывающий огромное воздействие на национальную жизнь, и игнорировать это воздействие недопустимо. И в третьих, феномен этноса и всего, что с ним связано, требует дальнейшего всестороннего изучения, причем на широком, в том числе и историческом, материале, поскольку немало проблем этнического (а значит, и национального) характера еще очень далеки от разрешения их учеными.

Насколько нам это удалось — судить читателю...

Литература

1. См.: Рудницька Т. Етнос і нація: спроба понятійно-термінологічного розмежування // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 1998. — № 3. Тут же приведен обзор различных концепций зарубежных и отечественных ученых относительно природы этнического и национального.
2. *Сміт Е.Д.* Національна ідентичність. — К., 1994. — С. 23 и след.
3. См.: Свод этнографических понятий и терминов: Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. — М., 1988; *Stagl J.* Kulturantropologie und Eurozentrismus // Wiener völkerkundliche Mitteilungen. — 1986. — Bd. 28. — S. 43f.
4. *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. — М., 1983. — С. 300–310.
5. См., напр., нормативное для советских обществоведов определение: *Калтахчян С.Т.* Нация // Философский энциклопедический словарь. — М., 1983. — С. 417–418.
6. *Семенов Ю.И.* Общество, страны, народы // Этнографическое обозрение. — 1996. — № 2. — С. 4; *Он же.* Категория “социальный организм” и ее значение для исторической науки // Вопросы истории. — 1966. — № 8.
7. *Бромлей Ю.В.* Этнос и этносоциальный организм // Вестник АН СССР. — 1970. — № 8. — С. 48–54.
8. *Шнирельман В.А.* (Рец.). *Hollinger D.* Postethnic America. Beyond multiculturalism. — N.Y., 1995 // Этнографическое обозрение. — 1996. — № 4. — С. 158–161.
9. *Листова Н.М.* Национальный состав населения Швейцарии // Этнические процессы в странах зарубежной Европы. — М., 1970.
10. *Крюков М.В.* Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза // Расы и народы. — М., 1976. — Вып. 6. — С. 57 и след.
11. К таким выводам на конкретном материале пришли разные ученые, занимающиеся изучением этнических и этнокультурных процессов. См., напр.: *Арутюнов А.С., Хазанов А.М.* Проблема археологических критериев этнической специфики // Советская этнография. — 1979. — № 6. — С. 84–85; *Sahlins M.* Evolution: Specific and General

- // Theory in Anthropology. — Chicago, 1968. — P.233–235; *Залізняк Л.Л.* Типи господарства та етнокультурні процеси у фінальному палеоліті та мезоліті // Археологія. — 1990. — № 1. — С. 5–9; *Ричков М.О.* Археологічна культура і ландшафт // Археологія. — 1995. — № 4; *Скрипник Г.А.* Етнокультурні та соціально-психологічні адаптаційні процеси в середовищі поліщуків-переселенців // Полісся: мова, культура, історія. — К., 1996. Наиболее глубокое обоснование см.: *Арутюнов С.А.* Адаптивное значение культурного полиморфизма // Этнографическое обозрение. — 1993. — № 4.
12. См.: *Рудницький С.* Чому ми хочемо самостійної України? — Львів, 1994; *Енциклопедія українознавства. Загальна частина.* — К., 1994; *Лебедев Г.С.* Русь Рюрика, Русь Аскольда, Русь Дири // Старожитності Русі-України. — К., 1994. — С. 147.
13. См.: *Балушок В.* Етнічні міграції й українська етногенетична ніша // Проблеми міграції. — 1998. — № 3.
14. См.: *Paul J.* Beiträge rumanischer Archdologen zur Klärung von Fragen der eurordischen Vorgeschichte // Forschungen zur Volks- und Landeskunde. — 1980. — № 1. — Bd. 23; *Lupu N.* Der dakische Staat zur Zeit Burebistas // Forschungen zur Volks- und Landeskunde. — 1980. — № 1. — Bd. 23.
15. См.: *Godiowski K., Kozłowski J.K.* Historia starożytna ziem polskich. — Warszawa, 1985.
16. *Nasseni A., Weber G.* Ethnizität und Moderne. Zur ethnischen Vergesellschaftung der Siebenbürgen Sachsen zwischen Tradition und Moderne // Forschungen zur Volks- und Landeskunde. — 1992. — № 1–2. — Bd. 35. — S. 12f.
17. *Дашкевич Я.* Перегук віків: три погляди на минуле і сучасне України // Україна: Наука і культура. — К., 1993.
18. Ср. определения советского общества как типично “азиатского”, однотипного древне- и средневекововосточным: *Семенов Ю.И.* О первобытном коммунизме, марксизме и сущности человека // Этнографическое обозрение. — 1992. — № 3; *Гринев А.И.* Колониальный политаризм в Новом Свете // Этнографическое обозрение. — 1996. — № 4; *Залізняк Л.* Нариси стародавньої історії України. — К., 1994.
19. *Бромлей Ю.В.* Опыт типологизации этнических общностей // Советская этнография. — 1972. — № 5.
20. См.: *Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н.* Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. — М., 1972. — Вып. 2; *Арутюнов С.А.* Народы и культуры: развитие и взаимодействие. — М., 1989.
21. См.: *Шницерльман В.А.* Националистический миф: основные характеристики (на примере этногенетических версий восточнославянских народов) // Славяноведение. — 1995. — № 3.
22. См.: *Тишков В.А.* О феномене этничности // Этнографическое обозрение. — 1997. — № 3.
23. См.: *Тишков В.А.* Межнациональные отношения в Российской Федерации. Доклад на заседании Президиума РАН. — М., 1993.
24. Обсуждение доклада В.А.Тишкова “О феномене этничности” // Этнографическое обозрение. — 1998. — №1 . — С.42 .